ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

24 ОКТЯБРЯ 42 1853 ГОДА.

Духовное, Нравственное, Историческое, Естествоописательное и Литературное Чтеніе.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОЛГѢ.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ.

ородъ весь называется базаромъ. Узкая полоса домовъ вдоль берега Оки и Волги — нижній базаръ, а на горѣ — верхній. «Гдѣ вы остановились?» — спроситъ васъ кто нибудь. — И если вы хотите, чтобы васъ поняли, не говорите, что остановились возлѣ почтамта, возлѣ гимназіи, возлѣ собора — просто на верхнемъ базарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Нижній Новгородъ, знаменитѣйшая ярмарка въ Европѣ, такъ и кипитъ торговою дѣятельностью. Еще далеко до начала ярмарки, на той сторонѣ почти что ни проходу, ни проѣзду нѣтъ: строются дома, балаганы, шалаши и шалашики для торговли и товаровъ. Стукотня топоровъ, визгъ пилъ, крики рабочихъ, говоръ какъ будто такъ, безъ цѣли толпящагося народу, все это съ перваго раза удивитъ проѣзжаго, который мирно, безъ шуму проѣхалъ отъ Москвы.

Я былъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ въ половинѣ Іюня. Мостъ черезъ Оку еще не былъ готовъ, такъ приходилось переѣзжать рѣку на паро-

мѣ, или на небольшой плоскодонной баркѣ. Шагомъ проѣхалъ я между строющимися балаганами, потому что народъ толпился чрезвычайно тѣсно. Крестьяне, съ топорами за поясомъ, искали плотничной работы, калачники предлагали свои калачи, и во многихъ мѣстахъ съ телѣгъ выгружались въ балаганы, сколоченные на скорую руку, — тюки съ какимъ-то товаромъ. Подъѣхавъ уже къ самому берегу Оки, я соскочилъ съ телѣги, и ноги мои на два вершка ушли въ горячій песокъ.

На противуположномъ берегу — необыкновенно красиво расположенный по крутизнѣ городъ, а здѣсь народъ кишитъ на перевозѣ. Съ той стороны только что причалилъ къ плоту паромъ, тяжело нагруженный телѣгами, людьми, лошадьми и разными товарами, а толпа Татаръ, босикомъ, въ длинныхъ, пониже колѣна, сѣрыхъ рубашкахъ, безъ пояса, и въ сѣрыхъ шляпахъ, безо всякой остальной одежды, выгружаетъ все это на берегъ. Вотъ они тащутъ огромную рогатую телѣгу, изъ которой во всѣ стороны торчатъ оглобли, колеса и ободья, привезенные на продажу. Они дружно подхватили телѣгу, кто за оглобли, кто за колеса, кто за веревки, и въ одинъ мигъ выкатили ее на песокъ. Работаютъ они необыкновенно усердно, живо, и все толкуютъ что-то по своему и кричатъ во все горло.

Одинъ молодой Татаринъ, у котораго на давно бритой головѣ вмѣсто шляпы одна только высокая тулья безъ полей, собрался выводить съ парома сухопарую крестьянскую лошадь. Привыкнувъ къ уединенію въ деревнѣ, лошадь испугалась многолюдства, и не шла, не рѣшалась сдѣлать шага съ парома на плотъ. Татаринъ тянулъ ее, тянулъ за поводъ, наконецъ сталъ бить по головѣ. Лошадь заупрямилась пуще прежняго. Чтобы покончить дѣло поскорѣе, Татаринъ сѣлъ на нее верхомъ и сталъ безпощадно колотить несчастное животное по ушамъ, по головѣ и по бокамъ. Долго продолжалось это истязаніе и сѣдокъ напрасно изо всѣхъ силъ болталъ ногами; наконецъ лошадь сдѣлала шагъ въ бокъ, оступилась, попала ногой въ промежутокъ между паромомъ и плотомъ, и упала. Татаринъ головой внизъ полетѣлъ въ Оку, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ скрылся подъ водой, пошли уже пузыри. Другой Татаринъ, старикъ, тащившій вмѣстѣ съ другими телѣгу, однимъ движеніетъ головы сбросилъ съ себя шляпу, прыгнулъ въ воду, нырнулъ, вытащилъ тонувшаго за рубашку и въ то время, какъ тотъ, выходя на берегъ, былъ еще по колѣна въ рѣкѣ, старался отдышаться, тяжело глоталъ воздухъ, выплевывалъ лишнюю воду и не успѣлъ еще оправиться, старикъ далъ ему крѣпкаго подзатыльника,

должно быть, за неосторожность, и весь мокрый, усердно сталъ помогать товарищамъ, которые, не обращая ни на что вниманія, катили уже на песокъ грузную телѣгу. Вода бѣжитъ съ него ручьями, къ голымъ ногамъ пристаетъ песокъ, а онъ работаетъ весело, бойко, будто ни въ чемъ не бывалъ. Послѣ онъ мимоходомъ поднялъ свою шляпу, втоптанную толпою въ песокъ, и почти не стряхнувъ, покрылъ ею свою бритую голову.

Наконецъ, паромъ опустѣлъ. Татары, не переводя духу, схватили мою телѣгу, изъ которой лошади были уже выпряжены, и осторожно, не давая ей раскатываться, спустили по небольшой крутизнѣ на паромъ; другіе взяли пріѣхавшую послѣ меня коляску. Тутъ только замѣтилъ я, что на косогорѣ, повыше меня, поодаль отъ толпы, стоитъ какая-то дама, а возлѣ нея — дѣвица, щегольски одѣтая, должно быть, дочь, и молодой человѣкъ, студентъ, вѣрно, сынъ; всѣ они смотрѣли на туже самую картину, которая занимала и меня, и странно какъ-то рисовалась эта яркая группа на темной сѣрой толпѣ. За ними, довольно близко, стояли четыре мужика и о чемъ-то тихо разговаривали въ полголоса. Я подошелъ послушать. Они разсматривали прозрачныя шляпки дамъ, искусно плетеныя изъ соломы и еще изъ чего-то.

— Должно быть, и конскимъ волосомъ наплетено вмѣстѣ съ соломой, замѣтилъ одинъ.

«Видно, что такъ, и шелкомъ тоже, и нитками, — замѣтилъ другой.

— Вишь какъ тонко сдѣлано, — сказалъ опять первый, покачивая головою.

«Зачѣмъ же у нея такая штука надѣта? — спросилъ въ недоумѣніи второй.

— Экой ты, братецъ! Не видишь! — Это шляпа.

«Эхъ, ты! развѣ бываетъ такая шляпа? Шляпа надобна такая, чтобъ отъ дождя берегла, да чтобы солнце не палило. А это что такое?

— Нѣтъ, братъ, это шляпа и есть, а можетъ кокошникъ такой, или повязка. Вѣдь, какія чудныя бываютъ повязки, вотъ хоть въ Тверской губерніи: иная такая высокая, высокая, вершковъ въ десять. А отъ солнца вонъ у нея въ рукѣ на палочкѣ круглый большой грибъ, тоже шелковый, видно.

«А ты не знаешь-ли, дядя Антонъ, что это она тонкая такая? Больна, видно, сердечная.

— Да, какъ же! А щеки-то у нея отчего красныя? Нѣтъ, не больна, а должно быть горбатая, или съ какимъ другимъ изъяномъ: такъ вотъ и перетянута, чтобъ невидать было.

Тутъ дама, слушавшая весь этотъ разговоръ съ самаго начала, обернулась, строго посмотрѣла на му-

жиковъ, взяла дочь за руку и отошла съ нею нѣсколько впередъ.

Между тѣмъ, Татары нагрузили паромъ до-нельзя, поставили тулаже и лошадей; мои спутники усѣлись въ свою коляску, и паромъ отвалилъ отъ плота, чтобы дать мѣсто другому, подъѣзжавшему съ городской стороны. Татары взялись за весла и во все время непродолжительнаго переѣзда черезъ Оку гребли такъ усердно, какъ будто на той сторонѣ ихъ ожидало какое нибудь благополучіе, на примѣръ отдыхъ, или будто они получаютъ за свою работу огромную сумму денегъ; но тутъ же я узналъ, что ихъ только двѣ смѣны и что они получаютъ по пятнадцати рублей асс. въ мѣсяцъ *на своихъ харчахъ*, то есть, что на эти деньги они должны ѣсть, пить одѣваться, и изъ остатковъ тѣхъ же все пятнадцати рублей прикопить что нибудь, чтобы въ концѣ лѣта снести домой въ деревню и уплатить подати.

Медленно покачиваясь, паромъ добрался наконецъ до городской стороны, — коляска и телѣги выкачены на берегъ, и вотъ — мы въ Нижнемъ Новѣгородѣ.

На нижнемъ базарѣ народъ толпится во всю ширину и во всю длину улицы. Это большею тастію бурлаки, которые ищутъ работы или сговариваются, какъ-бы уѣхать *наизъ*. На низовыхъ пристаняхъ довольно легко бываетъ найти работу, такъ бурлаки и сговариваются иногда человѣкъ по тридцати, по сорока и по пятидесяти, покупаютъ какую нибудь старую большую лодку и пускаются внизъ по Волгѣ.

Нижній базаръ — главное мѣсто всякой торговли, сдѣлокъ, подрядовъ, найма, уговоровъ, а какъ только повернешь на гору — улицы почти пусты. Подъемъ на гору чрезвычайно крутъ, такъ что прямо подниматься невозможно: устроено двѣ довольно отлогія дороги, по косогору, и обѣ онѣ почти сходятся на верху, на верхнемъ базарѣ: одна оканчивается возлѣ стѣнъ кремля, а другая проходитъ черезъ самый кремль. Домовъ на скатѣ почти вовсе нѣтъ, да и быть имъ трудно, потому что негдѣ устроить двора, да и дождевая вода, когда бѣжитъ по крутизнѣ, того и гляди, подмоетъ домъ. На одной изъ дорогъ, ведущихъ вверхъ, есть только странное явленіе: взбираясь вверхъ, приходишь наконецъ на одинъ уровень съ крышами каменныхъ домовъ, построенныхъ на нижнемъ базарѣ. Съ высоты видна ярморачная сторона, Ока, широкое раздолье Волги и вдали ея низменный противуположный берегъ. Домовъ больше нѣтъ на этой дорогѣ, и вы ничего не ждете: вдругъ попадается вамъ на глаза крупная надпись на крышѣ дома, что теперь у васъ подъ ногами: *Въ-хотъ взавѣдьніе*, т. е. въ трактиръ. Возлѣ надписи въ кровлѣ

дверь. Къ ней надо еще спуститься съ дороги по маленькой лѣсенкѣ, ступеней въ семь, потомъ съ чердака надо спуститься въ верхній этажъ, гдѣ и помѣщается самый трактиръ, обращенный лицевою стороною на нижній базаръ; на другой сторонѣ дома нѣтъ оконъ, потому что задняя стѣна его вплоть прислонена къ горѣ.

Всякій разъ, какъ поднимаешься въ кремль, — ужасно устаешь; за то оттуда не налюбуешься на Волгу и на волжскія равнины. Въ устьѣ Оки толпятся всякія суда, расшивы съ однимъ большимъ парусомъ тяжко тянутся вверхъ по Волгѣ, тамъ, неподалеку отъ низменнаго противуположнаго берега, чернѣетъ точка: это росшива, ставшая на мель; а тамъ, среди волнъ, мелькаетъ что-то.... щепка это, или лодка? Волга такъ широка, что лодка кажется едва замѣтною щепкой.

На луговой сторонѣ Волги, близь берега, чернѣетъ какъ будто длинная полѣнница; но вотъ между дровами три шпиля; неужели это церкви? — Да; и то, что кажется дровами — огромнѣйшее село Боръ, съ тремя церквами. Нѣсколько лѣвѣе Бора большой островъ, покрытый, какъ видно кустарникомъ; съ одной стороны онъ прилегаетъ къ Волгѣ, а съ другой его обтекаетъ рукавъ Волги, Вóложка. На немъ нѣтъ никакого жилья, потому что онъ весь покрывается водою въ половодье.

Ближе къ этому берегу — лодокъ и судовъ всякаго рода гораздо больше; здѣсь-же стоятъ на якорѣ и два-три парохода различныхъ компаній. Эти пароходы возятъ пассажировъ и товары вверхъ до Рыбинска и внизъ до Астрахани. Пассажиры помѣщаются на самомъ пароходѣ, а товары въ большихъ плоскодонныхъ баркахъ, или баржахъ, которыя прицѣпляются къ пароходу длиннымъ канатомъ. Какъ это кстати! Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ почтовой телѣжкѣ до Самары, я легко доѣду туда на пароходѣ: и спокойнѣе, и удобнѣе. Въ конторѣ пароходства мнѣ сказали, что пароходъ отходитъ завтра утромъ, или можетъ быть вечеромъ. И прекрасно! Можно будетъ насмотрѣться на Нижній Новгородъ, да еще порядочно отдохнуть, чтобы потомъ съ свѣжими силами любоваться берегами Волги-матушки.

Въ кремлѣ, неподалеку отъ Собора, на большой площади, противъ казармъ, стоитъ памятникъ одному изъ самыхъ знаменитыхъ людей нашего отечества, Козьмѣ Минину; но Нижній Новгородъ самъ — лучшій для него памятникъ. Этотъ великій человѣкъ, спаситель Россіи въ страшныя времена безначалія, жилъ въ Нижнемъ. Волга — таже, что была при немъ, онъ, можетъ быть, часто стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и я,

при немъ были тѣже овраги, которыми разсѣчена гора, занимаемая городомъ. И въ то время, когда Москвою овладѣлъ Хоткѣвичъ съ свѣжимъ польскимъ войскомъ, Новгородъ отдался Швеціи, Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ, войска котораго грабили вокругъ Москвы Тверскую, Ярославскую и Владимірскую области, Казань и Вятка присягнули сыну Маріи Мнишекъ, когда Россія почти уже не существовала, въ Нижнемъ Новѣгородѣ мясникъ Козьма Мининъ рѣшился возстановить свое отечество. Было тогда много честныхъ людей, которымъ больно было видѣть положеніе Россіи, но не было человѣка, который соединилъ-бы всѣхъ этихъ людей и повелъ бы ихъ къ одной цѣли. Козьма Мининъ скликалъ народъ; ему же это и легко было сдѣлать: онъ былъ посадскимъ старостой. «Братцы! вѣдь, нечестно сидѣть сложа руки, когда кругомъ сволочь всякая грабитъ насъ и разоряетъ, когда въ Москвѣ сидитъ польскій панъ и грабитъ по большимъ дорогамъ. Гдѣ Русь-матушка? И чья она?... Нѣтъ, пора гостямъ со двора: загостились больно.» И на голосъ его поднялся народъ, составилась богатая казна, собралось большое войско. Не знали только за кого пойдутъ они воевать: за Шведскаго принца, или за Польскаго королевича; но Мининъ никого не слушалъ и, какъ *выборный человѣкъ всего Московскаго государства*, рѣшился прежде всего выгнать непріятелей, а тамъ ужъ на свободѣ, не торопясь, подумать объ этомъ и возвести на престолъ *кого Богъ дастъ*, кого изберетъ вся Русская земля. — Года черезъ полтора послѣ того, Россія ожила и *Богъ далъ* ей благословенный Домъ Романовыхъ.

Въ большомъ Преображенскомъ соборѣ, налѣво отъ входа, между могилами Нижегородскихъ архіереевъ, есть гробница, которой поклониться приходилъ Петръ Великій. Это гробница Выборнаго Человѣка всей Русской Земли.

Но мнѣ нельзя было долго оставаться въ Нижнемъ Новѣгородѣ. Прошелъ день. Въ конторѣ пароходства сказали, что пароходъ еще не готовъ къ отправленію, и пойдетъ *завтра*. Прошло и завтра; — все говорятъ — *завтра*, и такимъ образомъ прошло пять дней. Въ это время легко было ознакомиться съ Нижнимъ и осмотрѣть все, что въ немъ ни есть замѣчательнаго. Между прочимъ, тамъ устроенъ, для общественныхъ прогулокъ, садъ на крутизнѣ отъ города къ Волгѣ, или, какъ тамъ говорятъ, *на скосъ*. Ни одной нѣтъ ровной дорожки во всемъ саду, такъ что непремѣнно или поднимаешься, или спускаешься, а оттого ужасно устаешь. При всемъ стараніи сглаживать и выравнивать дорожки, невозможно надол-

го сохранить ихъ въ порядкѣ, потому что какъ только пройдетъ порядочный дождь, по дорожкамъ польются потоки, которые непремѣнно размоютъ и снесутъ внизъ и песокъ, и кирпичи, которые служатъ тамъ для укрѣпленія дорожекъ.

Наконецъ — пароходъ былъ готовъ къ отплытію; — съ утра перевозились на баржи вещи пассажировъ, кареты, коляски, тюки, а товаръ былъ нагруженъ раньше. Ужаснѣйшая возня продолжалась цѣлый день; наконецъ въ четыре часа на пароходѣ зазвонили въ колоколъ; но напрасно пассажиры надѣются, что вотъ-вотъ черезъ десять минутъ какихъ нибудь, пароходъ тронется. Въ половинѣ пятаго опять зазвонили, а все не ѣдутъ, потому что еще не поставили чьей нибудь коляски, или кого нибудь еще ждутъ.

На баржахъ множество народу — бурлаковъ. За четвертакъ ихъ въ два или три дня везутъ до Казани, или до Симбирска; это несравненно дешевле и скорѣе, нежели во сколько обошелся-бы путь, если бы идти пѣшкомъ, но за то они на баржахъ ничѣмъ не защищены ни отъ зною, ни отъ дождя, и отъ тѣсноты иной разъ негдѣ не прилечь, ни присѣсть.

Слава Богу! наконецъ звонятъ въ третій разъ, и колеса парохода завертѣлись.... Но это видно только такъ па пробу, потому что мы все еще не ѣдемъ. Но такъ какъ всему есть конецъ, то и пароходъ наконецъ двинулся.

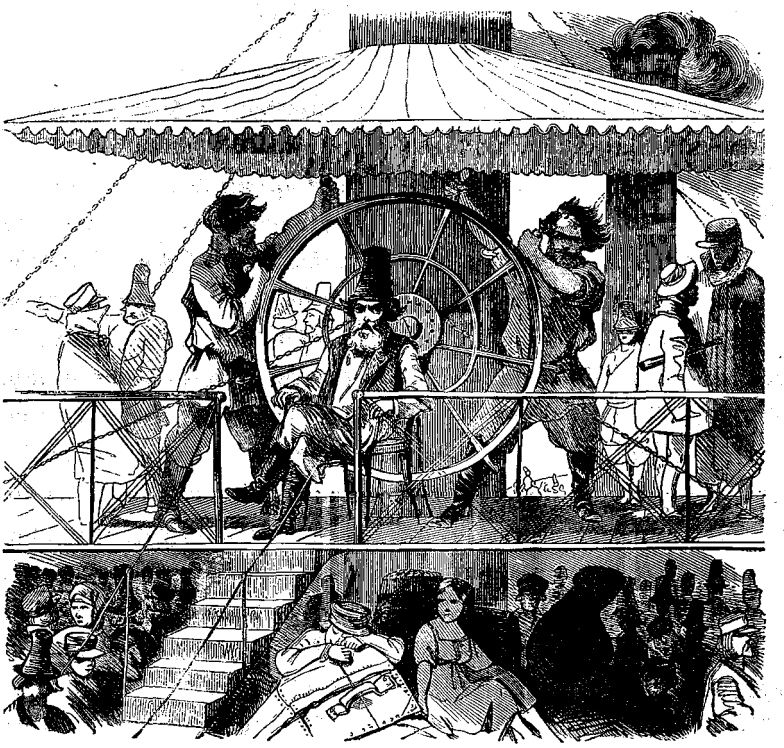
Кто хорошо знаетъ наши петербургскіе пароходы, которые ходятъ между Петербургомъ и Петергофомъ, тотъ далеко еще не знаетъ, что такое волжскій пароходъ. На палубѣ нѣтъ ничего, что защищало-бы пассажировъ отъ дождя или отъ солнца; за то внизу — большой просторъ. Въ носовой части одна общая каюта и сверхъ того восемь или десять маленькихъ; каждый пассажиръ, заплатившій за первое мѣсто, имѣетъ право на одну каютку, и сверхъ того можетъ быть въ такомъ мѣстѣ парохода, гдѣ ему заблагоразсудится. Въ срединѣ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ помѣщаются машины, устроено большое возвышеніе, съ котораго капитанъ удобно можетъ видѣть далеко впередъ по рѣкѣ. Въ кормовой части тоже есть одна общая каюта и десять маленькихъ; это каюты втораго класса, потому что не такъ богато отдѣланы, какъ первыя. На палубѣ помѣщаются пассажиры третьяго класса. Рулемъ управляютъ не на кормѣ, а цѣпи отъ него сквозь блоки проведены на то возвышеніе, которое назначается для капитана.

Давно жданная минута отправленія была чрезвычайно пріятна. Когда колеса завертѣлись не на шутку и пароходъ сдвинулся съ мѣста, я

сталъ уже вытирать свои очки, чтобы начать подробно осматривать берега. Но къ величайшему удивленію моему, мы поплыли не по теченію, а вверхъ, противъ теченія, тогда какъ мнѣ дали билетъ до Самары. Я ужъ обратился-было къ капитану, чтобы онъ разъяснилъ мое недоумѣніе, но дѣло объяснилось само собою: баржи не были еще привязаны къ пароходу, и грузились отъ него поодаль, такъ надо было подать имъ канатъ, который называется буксиромъ. Канатъ этотъ гораздо толще руки взрослаго человѣка, а длиною саженъ двадцать или тридцать, слѣдовательно очень тяжелъ. Всѣ матросы, сколько ихъ ни было на пароходѣ, возились около каната; самъ капитанъ хлопоталъ тутъ же въ потѣ лица, кричалъ и бѣгалъ очень усердно; одинъ только человѣкъ, среди всей этой суматохи, былъ совершенно спокоенъ. Онъ сидѣлъ на возвышеніи передъ рулевымъ колесомъ и внимательно смотрѣлъ на все, что дѣлалось вокругъ него. Онъ былъ въ высокой шапкѣ съ узенькими полями; сверхъ красной рубашки у него былъ надѣтъ старый жилетъ: густая, совершенно бѣлая борода, еще не пожелтѣвшая отъ старости, придавала ему чрезвычайно почтенный видъ. Я послѣ очень коротко съ нимъ познакомился; это былъ *коренной* лоцманъ Парамонъ, отъ котораго теперь зависѣла участь парохода и всѣхъ пассажировъ. Капитанъ на волжскомъ пароходѣ ничего не значитъ, потому что никакая карта не можетъ передать всѣхъ отмелей и опасныхъ мѣстъ на Волгѣ: въ нынѣшнемъ году назначенная на картѣ мель послѣ половодья можетъ пропасть, а тамъ, гдѣ было глубоко, явится мель; во время весенняго разлива Волга бываетъ необыкновенно быстра и непремѣнно перенесетъ мель въ другое мѣсто, такъ съ картой ничего тутъ не сдѣлаешь: нужна многолѣтняя опытность, нуженъ привычный глазъ, чтобъ видѣть на версту, на двѣ версты впередъ подъ водою мель въ томъ мѣстѣ, гдѣ другой ничего не подозрѣваетъ.

Но вотъ наконецъ баржи привязаны къ пароходу, Парамонъ скомандовалъ, чтобы машинѣ дали полный ходъ и, сдѣлавъ большой кругъ на Волгѣ, мы поворачиваемъ по теченію. Когда пароходъ нѣсколько отошелъ отъ берега, дѣлая этотъ кругъ, Нижній Новгородъ опять открылся во всей красѣ. На самомъ верху горы великолѣпный губернаторскій домъ, соборъ и весь кремль; лѣвѣе — садъ *на скóсѣ*, ниже — нижній базаръ, кипящій народомъ, и тьма тьмущая лодокъ и барокъ всякаго рода у пристани; а пристань тамъ — не одно какое-нбудь мѣсто, а весь берегъ Волги и Оки, занятой постройками, принадлежащими къ Нижнему. Гораздо правѣе города — устье Оки, и въ немъ, близь ярма-

рочной стороны — цѣлый лѣсъ мачтъ. Ниже города, въ верстѣ отъ него, на косогорѣ, на половинѣ горы, покрытой зеленью, лежитъ чрезвычайно красиво расположенный Печерскій монастырь. Бѣлыя стѣны его каменной ограды, церкви и келій живописно рисуются на темной зелени. Мало по малу и онъ пропадаетъ изъ глазъ, и берега пустѣютъ. Правая сторона гористая, съ желтымъ песчанымъ прибрежьемъ,



Лоцманъ Парамонъ.

а лѣвая сторона — низменная, съ безчисленнымъ множествомъ мелей, отмелей и острововъ; зелени во многихъ мѣстахъ почти вовсе не видно: все песокъ, да песокъ, нанесенный весеннимъ разливомъ.

Часа въ полтора на пароходѣ все пришло въ порядокъ. Слуги спали уже на чемоданахъ своихъ господъ, кто полюбознательнѣе, забрался на капитанское возвышеніе разспросить у капитана, или у матросовъ,

далеко-ли до Макарьева, сколько верстъ считается Волгой до Казани, или по скольку верстъ въ часъ идетъ нашъ пароходъ. Одинъ только Парамонъ сидѣлъ на своемъ чугунномъ креслѣ съ большою важностью и зорко смотрѣлъ впередъ. Два дюжіе работника внимательно наблюдали за его высокой шапкой и, смотря по тому, наклонялась она на право, или на лѣво, такъ и поворачивали колесо, къ которому проведены цѣпи отъ пароходнаго руля.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

21 НОЯБРЯ 46 1853 ГОДА.

Духовное, Нравственное, Историческое, Естествоописательное и Литературное ~~Чтеніе.~~

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОЛГѢ.

ПАРАМОНЪ И КОМАРЫ.

Дня три, четыре надо было плыть отъ Нижняго до Самары, такъ пассажиры старались размѣститься на пароходѣ, какъ можно удобнѣе. Оказалось, что пассажировъ перваго класса гораздо больше, нежели каютъ; многимъ не достало помѣщенія; кто былъ похрабрѣе, тотъ занялъ себѣ каюту, заперъ ее и ни о чемъ не заботился; другіе хлопотали очень усердно и требовали, чтобъ капитанъ показалъ имъ, гдѣ они будутъ спать. Капитанъ, чтобъ отдѣлаться какъ нибудь, сначала все прикидывался очень занятымъ, бѣгалъ взадъ и впередъ, суетился и увѣрялъ, что онъ укажетъ, когда поуправится. А управляться было вовсе не съ чѣмъ: лоцманъ Парамонъ управлялъ ходомъ парохода посредствомъ своей высокой шапки; но толстенькій капитанъ все взбѣгалъ на его возвышеніе и говорилъ съ нимъ шепотомъ; а тотъ, въ простотѣ души, не понимая кривыхъ увертокъ, отвѣчалъ вслухъ: «Да вы ужъ не хлопочите, Иванъ Тимоѳеичъ, вы бы лучше чайку напились.» — Некогда! Некогда! отвѣчалъ капитанъ, и сбѣгалъ по лѣстницѣ въ буфетъ.

Нѣкоторые предъусмотрительные пассажиры уже заказывали себѣ ужинъ, а капитанъ, чтобы показать свою заботливость о благѣ пассажировъ, твердилъ буфетчику, чтобъ онъ отличился, чтобъ изготовилъ какъ можно лучше — и мимоходомъ выпивъ рюмочку какой-то горькой зеленоватой жидкости, выбѣгалъ опять на верхъ, похлопотать ни о чемъ. Можно было устать просто, глядя только на него. Въ общей каютѣ перваго класса на красивомъ диванѣ, за большимъ столомъ, сидѣли мои знакомыя дамы, съ которыми вмѣстѣ мнѣ случилось переѣзжать черезъ Оку на паромѣ. Онѣ читали какіе-то французскіе романы, совсѣмъ забывая, что это вовсе неумѣстно: въ самой срединѣ Россіи, на русской рѣкѣ Волгѣ, на пароходѣ, которымъ управлялъ *Парамонъ*, тамъ, гдѣ не было, можетъ быть, ни одного иностранца, какъ-то странно было видѣть французскіе романы, извѣстные по большой части увлекательною легкостью разсказа и нелѣпою чудовищностью вымысла. Затѣмъ же столомъ, два господина пили чай, а на другомъ диванѣ, сидя, дремалъ еще кто-то, завернувшись въ теплую шинель. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня вошелъ въ каюту тотъ самый господинъ, который при мнѣ заказывалъ себѣ ужинъ; онъ обратился къ одной изъ читавшихъ дамъ и сказалъ: «Чтоже, Прасковья Ѳедоровна? Не пойдете вы полюбоваться на нашу Волгу?»

— Ахъ, мой добрый Петръ Иванычъ! — отвѣчала дама, притворяясь, будто не можетъ порядочно выговорить букву *р* и произнося ее на парижскій ладъ, «кто видѣлъ Эльбу, кто наслаждался видомъ Саксонской Швейцаріи, тотъ можетъ-ли смотрѣть на вашу Волгу?

«А она развѣ не ваша тоже? Вѣдь, вы родились тоже въ Симбирской губерніи, пускай хоть и не на Волгѣ.»

— Все равно; только я видѣла Эльбу, и ужъ ничего такого не увижу.

«А по моему глупому разсужденію, по степному, то есть, выходитъ не такъ; ежели я вчера ѣлъ гуся съ груздями, то сегодня, пожалуй поѣмъ телятины, или цыплятъ съ бѣлыми грибками. По вашему, такъ всякій день все гуся съ груздями; нельзя — надоѣстъ; да еще Богъ знаетъ, что лучше, вашъ гусь, или наша телятина.»

— Какія у васъ все сравненія, Петръ Иванычъ!...

Я не дождался конца разговора и вышелъ на палубу. Солнце начинало садиться; правый, нагорный берегъ казался красноватымъ; лѣвый, низменный начиналъ погружаться въ сумерки. Возня на пароходѣ прекратилась и многіе пассажиры уже разошлись по своимъ комнатамъ. На возвышеніи, возлѣ

лоцмана Парамона, сидѣлъ капитанъ и пилъ чай, безпрестанно подливая себѣ въ стаканъ что-то изъ бутылки. Они разговаривали, но Парамонъ не смотрѣлъ на своего собесѣдника и отвѣчалъ не оборачиваясь. Онъ не спускалъ глазъ съ Волги и безпрестанно кивалъ шляпой то вправо, то влѣво. Встрѣчныя суда съ сѣрыми парусами ужъ не такъ ярко, какъ прежде, рисовались на береговой зелени, и по мѣрѣ наступленія темноты надо было удвоивать вниманіе. Пароходъ шелъ довольно быстро, держась болѣе правой стороны; потому что чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ Волга глубже. Вотъ на водѣ въ разныхъ мѣстахъ замелькали огоньки; это фонари, которые на ночь всегда зажигаются на якоряхъ барокъ и плотовъ. У всякаго якоря, брошенаго въ воду, всегда есть поплавокъ, сдѣланный изъ большаго куска дерева; къ этому поплавку прикрѣпляется фонарь, для предохраненія встрѣчныхъ судовъ, которыя могли-бы наткнуться на него своею подводною частью.

Позади насъ, за кормой, въ Волгѣ играла еще вечерняя заря, а впереди наступалъ мракъ. Въ воздухѣ тишина была необычайная; вода не колыхалась, и еслибы не шумъ пароходныхъ колесъ, то можно-бы забыть, что мы мчались по пятнадцати верстъ въ часъ. Мало-по-малу горы потемнѣли и только верхніе очерки ихъ рисовались на ясномъ небѣ. Лѣвая, луговая сторона почти ужъ не отдѣлялась отъ темной воды. Становилось холодновато и сыро. На носу парохода нѣсколько рабочихъ, завернувшись въ полушубки, спали на кучѣ канатовъ, багровъ, досокъ и бревенъ; другіе, которымъ не пришла очередь спать, ужинали, сидя вокругъ чашки, на канатахъ. На самомъ носу сидѣлъ мужикъ и держалъ въ рукахъ длинный шестъ. Я ужъ послѣ узналъ, въ чемъ состояло его дѣло, а тутъ, покамѣстъ безъ дѣла, онъ пѣлъ себѣ что-то подъ носъ. Начинали показываться комары и, какъ видно, сильно надоѣдали пассажирамъ, которымъ не очень хотѣлось спать. Снизу показались мои знакомыя дамы съ Петромъ Иванычемъ. Усердно обмахиваясь батистовыми платками, онѣ стали прохаживаться взадъ и впередъ по палубѣ.

— Духота тамъ ужасная! — сказала пожилая дама сердитымъ, обиженнымъ тономъ. И комаровъ такая бездна, что рѣшительно терпѣнія нѣтъ!

«А на Эльбѣ у васъ комары не водятся? — спросилъ Петръ Иванычъ.

— Знаете что, maman? — прервала его дѣвица: пойдемте, послушаемъ, что поетъ этотъ человѣкъ, который тамъ сидитъ на носу съ палкой въ рукахъ. Я такъ люблю русскія пѣсни!

Пошли. Мужикъ, не обращая ни

на что вниманія, продолжалъ мурлыкать себѣ подъ носъ; но онъ пѣлъ, что вздумается, и не на какой нибудь извѣстный напѣвъ, а какъ придется:

«Наметчикъ наметкой наметываетъ,
Наметчику дѣло не больно мудреное;
А нечего дѣлать, когда силы Богъ не далъ:
Лошадка въ хомутѣ везетъ по могутѣ.»

Послѣднія слова онъ тянулъ на разные переливы такъ долго, что наконецъ едва дотянулъ до конца, и такъ печально, уныло, такимъ дребезжащимъ, скрипучимъ полуголосомъ, что больно было слушать.

— Что ты тутъ дѣлаешь, добрый человѣкъ? — спросила его дама ласковымъ голосомъ.

Мужикъ поднялъ голову и при свѣтѣ послѣднихъ отблесковъ зари видно было, какъ глубоко ввалились его тусклые глаза и какъ желты были его впалыя щеки.

«Что я дѣлаю? — отвѣчалъ онъ: я должность свою справляю.

— А какая-же твоя должность?

«А я — наметчикъ.»

— Чтоже ты дѣлаешь?

«А что? — Извѣстно что: наметываю.»

— Чтоже ты наметываешь? — спросила съ улыбкою дама.

«А Волгу наметываю.»

— Да какъ же это?

«А вотъ — наметкой. — Тутъ онъ пошевелилъ шестомъ.

— Insupportable! сказала дѣвица.

«C'est un idiot! — сказала дама, и обѣ ушли прочь. Мужикъ опять опустилъ голову на руку и пригорюнился.

— Ѳедя! А, Ѳедя! сказалъ другой лежавшій тутъ же недалеко на доскахъ, завернувшись въ свой полушубокъ.

«Чего?»

— А, вѣдь, барыня-то недальняя.

«А что?»

— Да, какого простаго дѣла не понимаетъ!

«Да, не понимаетъ.»

И обѣ стороны, не объяснившись порядочно, остались недовольны.

— Наметывай! Наметывай, Ѳедя! раздался сверху голосъ Парамона; и мужикъ въ тоже мгновеніе вскочилъ, схватилъ свой шестъ и опустилъ однимъ концемъ въ воду, какъ будто стараясь достать до дна, потомъ вытащилъ его и снова опустилъ въ воду, со всякимъ разомъ громко вскрикивая: «Десять!... Девять!... Девять!... Десять!...»

Дѣло состоитъ въ томъ, что онъ мѣрилъ глубину Волги, а десять, девять и другія числа означали, сколько четвертей аршина было глубины передъ носомъ парохода. Волга очень неглубока, и лѣтомъ, послѣ того, какъ сойдетъ весенній разливъ, мѣстами бываетъ не глубже двухъ аршинъ. Осенью, когда воды бываетъ еще меньше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Нижегородской

и даже Казанской губерніи, человѣку, хорошо знающему мѣстность, можно ее перейти вбродъ; такъ *наметывать* было очень полезно, особенно ночью, когда опытный глазъ лоцмана не можетъ видѣть струи, по которой онъ тотчасъ-же распознаетъ, гдѣ глубоко, гдѣ мелко. Долго еще Ѳедя наметывалъ; наконецъ онъ пересталъ говорить, сколько глубины передъ пароходомъ; значитъ, онъ ужъ не доставалъ до дна своимъ шестомъ. Минутъ черезъ десять потомъ опять раздался голосъ Парамона: «Поло́жь! Поло́жь! Наметку, Ѳедя!» И мужикъ снова пригорюнясь, усѣлся отдыхать и снова затянулъ какую-то пѣсню.

Заря почти совсѣмъ погасла, только на сѣверѣ осталась блѣдно-свѣтлая полоса. Наступила ночь. Среди невозмутимой тишины въ воздухѣ, комары со всѣхъ сторонъ напали на пароходъ безчисленными стаями; невозможно было успѣвать отмахиваться; они безъ милосердія кусали руки сквозь лайковую перчатку и беззащитное лице; они летали такими густыми тучами, что толкались въ воздухѣ, попадали въ носъ, въ глаза, въ ротъ. Комары эти не сѣрые, а коричневые, крупные, худощавые, ужасно злодѣйскаго вида, съ выраженіемъ кровожадности въ неподвижномъ взорѣ и въ хрипломъ пискѣ грубаго голоса. Будь еще хоть немного вѣтру, такъ онъ прогонялъ-бы комаровъ, а то, какъ на зло, тишина была самая очаровательная и — раздолье комарамъ. Отъискивая вѣтру, я забрался на возвышеніе къ Парамону, надѣясь что тамъ, на мѣстѣ болѣе открытомъ, будетъ больше движенія въ воздухѣ. Тамъ, завернувшись въ плащъ, я попробовалъ-было заснуть, но комары кусались такъ больно и такъ часто, что поневолѣ приходилось любоваться на искрящееся небо. И закрыться отъ нихъ ничѣмъ было нельзя: въ малѣйшую скважинку, въ самую маленькую щелку, оставшуюся въ складкѣ платка, они налѣзали вдругъ десятками, и ужъ безъ жужжанія, не объявляя войны, тихо нападали съ своими ужасными пиками и жалили безъ милосердія. Безпрерывная боль, безнадежность и невозможность избавиться отъ комаровъ, бросали въ жаръ и въ холодъ. Приходилось каждую секунду повертываться, чтобъ защищаться отъ нападеній, и сна не было.

Всѣ пассажиры, завоевавшіе себѣ каюты, страдали точно также. Спать съ закрытымъ окошкомъ не было ни малѣйшей возможности, отъ духоты и жару очень близкаго пароваго котла, а въ окно, открытое только на минуту, налетали цѣлыя тучи голодныхъ чудовищъ. По временамъ то одинъ пассажиръ, то другой выходилъ на палубу, не въ духѣ, сердитый, и въ темнотѣ скорыми шагами прохаживался по па-

роходу. Потомъ, стараясь затаить свое волненіе и смягчить свой голосъ, чтобы придать ему выраженіе необходимой вѣжливости, пассажиръ, разсерженный невольною безсонницей, спрашивалъ одного изъ тѣхъ, кому не досталось каюты: Позвольте спросить, здѣсь такъже много комаровъ, какъ внизу?»

— Не знаю, какъ у васъ тамъ внизу, отвѣчалъ пассажиръ, сердитый ужъ на то, что, заплатя за каюту, онъ долженъ былъ ночевать на открытомъ воздухѣ, да еще въ добавокъ на комарахъ: не знаю, какъ у васъ, а здѣсь на каждую щеку садится по десяти тысячь!

«Это.... это.... это ужасно! — замѣчалъ первый.»

— Это подло! — замѣчалъ второй.

Разговоръ не завязывался между недовольными собесѣдниками и они расходились. Я тоже скитался по пароходу, такъ что наконецъ ноги устали отъ ходьбы, а руки отъ маханья платкомъ. Въ общей каютѣ, биткомъ набитой комарами, всѣ диваны были заняты безкаютными пассажирами; но они не спали, а только повертывались съ боку на бокъ и порой ворчали что-то. Иногда вдругъ одинъ изъ нихъ вскакивалъ, сердито топалъ ногами и въ отчаяніи потиралъ себѣ лобъ, носъ и щеки. Только господинъ съ огромными усами и въ сертюкѣ съ свѣтлыми пуговицами спалъ преспокойно, а возлѣ него на стулѣ сидѣлъ слуга и осторожно помахивалъ надъ его головой платкомъ. Я узналъ слугу: это былъ тотъ самый, который днемъ каждую минуту бѣгалъ набивать трубки для своего барина. Онъ держалъ платокъ обѣими руками, и когда его самого особенно сильно кусали за уши, то онъ вздрагивалъ, судорожно моталъ головой и наклонялъ ее къ плечамъ, чтобъ избавиться отъ комаровъ. Наконецъ его одолѣлъ сонъ; онъ пересталъ махать платкомъ, усталыя руки его опустились, голова повисла и онъ сталъ клевать носомъ; но въ ту же минуту, баринъ, облѣпленный комарами, въ просонкахъ отъ боли и самъ не зная, что дѣлаетъ, разбудилъ его сильнымъ ударомъ по лицу. Слуга встрепенулся: я, въ ужасѣ, убѣжалъ на палубу.

Тамъ, ничѣмъ невозмутимый, сидѣлъ на своемъ возвышеніи и движеніями шапки управлялъ пароходомъ Парамонъ.

«Неужели тебя комары не кусаютъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, не кусаютъ, отвѣчалъ онъ, качнувъ головою направо: они ужъ ко мнѣ привыкли, да и я къ нимъ тоже.

«Ты, стало быть, давно плаваешь по Волгѣ?»

— Да, вотъ, сорокъ шесть годовъ скоро будетъ; лоцманомъ хожу ужъ годовъ тридцать.

«Когда же ты спишь, когда весь день тутъ сидѣлъ, да всю ночь?...

— А у меня есть лоцманъ подручный. Я, вишь ты, коренной, то есть главный, а Сидоръ, вотъ такой худощавый старичекъ, тотъ подручный.

«Что-же это значитъ?»

— Коренной, значитъ — главный, какъ корень, набольшій, то есть. Отъ Нижняго до самаго донизу я коренной, потому что я больше знаю, лучше знаю, гдѣ бѣжать надобно; а отъ Рыбнаго, по вашему это выходитъ отъ Рыбинска до Нижняго, коренной Сидоръ; тамъ онъ лучше знаетъ, я у него подручный, я его и слушаю.

«Развѣ ты никогда не бывалъ въ Рыбинскѣ?»

— Какъ не бывать? бывалъ; да, вѣдь, этого мало — одно лѣто походить, а года черезъ три — еще лѣто, хоть примѣрно десять разъ. Весь свой вѣкъ надо по Волгѣ разъѣзжать, такъ и узнаешь; да и непремѣнно всякій годъ, а то и ничего не поймешь. Вотъ хоть-бы и здѣсь, вонъ впереди, съ лѣвой стороны, противъ той горушки, видишь, такая отмель идетъ: ну, видишь?

Какъ я ни всматривался въ темноту, ничего не могъ разсмотрѣть.

— Ну, такъ вотъ эта мель идетъ на три четверти Волги, почти подъ самыя горы подходитъ; а за ней, съ правой стороны, вонъ, отъ того бѣлаго камня, мель идетъ въ лѣвую сторону, до половины рѣки; за ней опять мель слѣва.... такъ вотъ и виляй между ними, какъ змѣя. Да это бы еще ничего; а вотъ два, три лѣта пропустишь, такъ ничего и не узнаешь: горушки той ужъ не будетъ, снесетъ половодьемъ подальше, или вовсе размоетъ, и мель пропала. Станетъ тутъ глубокое мѣсто, вотъ, оно и страшно, хоть плачь, хоть камень на шею, да въ воду: стало быть, мель-то здѣсь, подъ носомъ, а гдѣ, — не знаю, того и гляди росшиву, или пароходъ на мель посадишь. Это бѣда-бы еще не велика, съ мели сняться можно; да вотъ горе: скажутъ — хорошъ Парамонъ! А еще лоцманъ!... А какъ всякое лѣто приглядываешься, такъ и замѣтишь, что вотъ тутъ мель передвинулась вправо, а тутъ горушку стало размывать; а ужъ извѣстное дѣло, когда нынче мель больно близко подошла къ горамъ, такъ весной не устоять ей на мѣстѣ: полая вода отнесетъ ее саженъ на триста, а то и на версту. Всякій годъ замѣчать надобно, глазъ не спускать съ рѣки, а то на десяти верстахъ тридцать разъ на мель сядешь. Такъ мало-ли кто, бывалъ въ Рыбномъ! И всякій бывалъ, а пароходомъ не всякій управитъ, какъ Сидоръ: всякій попляшетъ, да не какъ скоморохъ.

«Зачѣмъ-же онъ тутъ вечеромъ возлѣ тебя сидѣлъ, когда ты лучше знаешь?

— Умъ хорошо, а два лучше. Такая причина вышла, тамъ вонъ противъ Ашмаровки, теперь ужъ она верстъ пятнадцать назади. Гдѣ намъ бѣжать надо было, впереди былъ огонекъ; вправо отъ него парусъ: расшива стояла; влѣво опять барка, а за ней еще два огонька; стало быть, плоты. Ихъ всѣхъ миновать надо было, такъ вотъ я его и кликнулъ: Пройдемъ-ли, Сидоръ, вправо отъ росшивы, подъ горой?» Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ — пройдемъ! — Вотъ и прошли.

«А что, спросилъ я его послѣ небольшаго молчанія: вѣдь, я думаю, скучно разставаться съ семьей сорокъ шесть лѣтъ сряду?»

— Вѣстимо дѣло, неохотно: отвѣчалъ Парамонъ.... — А что, чай комары-то тебѣ больно надоѣли? — Погоди, дай срокъ! Какъ разсвѣтетъ, всѣ пропадутъ.

«А что, велика у тебя семья? спросилъ я его опять.

— Нѣтъ, дочь одна осталась старуха, да у дочери сынъ.

Парамонъ говорилъ это такъ печально, что мнѣ стало его жаль и я рѣшился выспросить у него кое-какія подробности.